

Демократизация и экономический рост

Автор: В. М. ПОЛТЕРОВИЧ, В. В. ПОПОВ

Общепризнано, что демократия (выборность высших должностных лиц, участие широких масс в принятии решений) - одна из целей развития наряду с такими, как уровень ВВП на душу населения, подушевое потребление, продолжительность жизни, социальное равенство и т.д. Менее единодушия относительно того, насколько важно становление демократии по сравнению с другими целями. Известный политический философ Дж. Роле сформулировал принцип, в соответствии с которым демократические ценности и права человека имеют приоритетное значение: они "не могут быть ни предметом политического торга, ни разменной монетой при расчете общественных интересов" [Rawls, 1971]. Такая традиция нередко ассоциируется с западной культурой. В то же время защитники "азиатских ценностей", корни которых часто ищут в конфуцианстве, настаивают на приоритете интересов общества над интересами индивидуума, считая, что последними в принципе можно пожертвовать ради высшего общественного блага, например ради достижения устойчиво высоких темпов роста и социального равенства.

В настоящей работе мы обсуждаем не основополагающий философскую проблему о ценности демократии, а более скромный вопрос об издержках становления демократии, более точно - о возможном отрицательном влиянии "преждевременной" демократизации на экономический рост. Традиционная мудрость на сегодняшний день, видимо, состоит в том, что такой зависимости не существует, или даже, что демократизация во всех случаях положительно влияет на экономический рост. Если это так, то вопрос об издержках демократизации теряет актуальность, так как она оказывается не только одной из целей развития, но и средством достижения других целей. Если, однако, демократизация может замедлять рост на достаточно длинных интервалах времени, то вопрос о ее относительной цене приобретает существенное значение.

Для его исследования необходимо отделить демократию как механизм принятия решений от ее "идеологической оболочки". Вслед за Р. Далем мы определяем демократию как политический режим, имеющий две основные черты: 1) лица, принимающие наиболее важные для общества решения, назначаются и сменяются путем голосования, причем право голоса имеет подавляющее большинство населения; 2) существуют институты политической конкуренции, благодаря которым каждая достаточно значительная группа граждан может, в принципе, обнародовать и отстаивать свою точку зрения. Разумеется, эта формулировка требует многочисленных уточнений, обсуждение которых не

П о л т е р о в и ч Виктор Меерович - академик РАН, заведующий лабораторией Центрального экономико-математического института РАН, первый проректор Российской экономической школы (РЭШ).

П о п о в Владимир Викторович - доктор экономических наук, профессор РЭШ, заведующий сектором Академии народного хозяйства при Правительстве РФ.

входит в нашу задачу. Отметим, однако, что приведенное определение не исключает политической коррупции, покупки голосов, криминальных методов подавления конкурентов, неэффективности экономических решений, и т.п.

Целый ряд исследователей в последние годы выразили свое разочарование социально-политическими и экономическими итогами развития "демократий третьей волны" - стран, которые быстро демократизировались с 1974 г., включая и посткоммунистические государства. Т. Каротерс подсчитал, что из почти 100 стран, где были предприняты попытки демократизации, только 18 "действительно находятся на пути к превращению в успешные и хорошо функционирующие демократии или, по крайней мере, добились прогресса в демократизации и сохраняют положительную динамику в этом процессе" [Carothers, 2002]¹.

Ф. Закария пишет о возникновении массового феномена "нелиберальных демократий" - стран, в которых конкурентные выборы высших должностных лиц были введены прежде, чем была обеспечена законность, защита прав личности и экономических агентов, таких как права собственности и исполнения контрактов [Zakaria, 2003]. Режимы, где эти права надежно защищены, называют либеральными. Права эти, разумеется, могут быть обеспечены только сильными институтами, прежде всего государственными, ибо "частной собственности без государства не бывает". Демократия добавляет к этим правам еще несколько - право избирать и быть избранным, право на формирование оппозиции, и т.п. Бесспорно, это важные права, но, быть может, не более важные, чем права, заключенные в понятии либерализма.

В соответствии с таким пониманием терминов Европа сначала стала либеральной и только потом демократической. В XIX в. в европейских государствах права личности и фирм были в основном обеспечены, хотя демократическими эти страны назвать было никак нельзя: на рубеже XIX-XX вв. более половины взрослого населения не имели права голоса из-за цензов оседлости и имущественных и других ограничений, а главное - потому что женщины не допускались к голосованию. Тем же путем - от либерализма к демократии - шли и страны Восточной Азии, добившиеся в минувшие десятилетия впечатляющих экономических успехов.

В странах Латинской Америки и Африки демократические институты возникли раньше, чем утвердился либерализм. Возможно, поэтому в послевоенный период они отставали по темпам роста ВВП на душу населения. В 1990-е гг. к числу нелиберальных демократий добавились многие советские республики и страны Юго-Восточной Европы - со схожими последствиями для экономического развития.

Связь между благосостоянием и уровнем демократии исследовалась в ряде статей (см. обзор в [Przeworski, Limongi, 1993], а также [Афонцев, 1999; Przeworski..., 2000; Human..., 2002]). Отмечается, что в демократиях может быть меньше инвестиций из-за популистской политики увеличения потребления, что качество макроэкономической политики бывает низким из-за давления отраслевых лобби. Утверждается, что иногда авторитарные режимы могут лучше противостоять популистским требованиям перераспределения собственности и дохода, исходящих от групп населения с доходами ниже средних, которые во всех странах составляют большинство [Alesina, Rodrik, 1994].

В то же время многие автократы хищнически расходуют ресурсы для поддержания своей власти и престижа. Демократии, напротив, могут избежать популистских решений, если конституционно закрепят процедуры голосования с квалифицированным большинством (скажем, две трети) по наиболее важным вопросам перераспределения [Olson, 1991; 2000]. А. Сен считал, что имеющиеся на сегодня сравнительные исследования не подтверждают наличия какой-либо связи между демократией и ростом. Однако он полагал, что демократии более справедливо распределяют ограниченные ресурсы:

¹ Каротерс указывает десять стран Восточной Европы, вступивших и вступающих в ЕС, Аргентину, Бразилию, Мексику, Уругвай, Чили, Южную Корею, Тайвань и Гану. См. также статью Дж. Даймонда и последующее обсуждение в "Journal of Democracy" (2002. Vol. 13. N 3).

все известные случаи массового голода произошли именно в авторитарных странах [Sen, 1999]².

Обзор 18 исследований о связи экономической динамики с демократией [Przeworski, Limongi, 1993] дает противоречивые результаты. Авторы отмечают странную закономерность: исследования, выполненные после 1987 г., обнаруживают положительную связь между демократией и ростом, тогда как согласно работам, выполненным в более ранний период на том же статистическом материале, в авторитарных странах наблюдается более быстрый рост. В ряде расчетов для демонстрации положительного воздействия демократии на рост используются индексы (например, индекс Гастила [Gastil, 1989]), включающие в себя не только демократические права, но и права собственности, права свободного распоряжения ресурсами и т.п. [Nelson, Singh, 1998]. Однако мы стараемся выявить раздельное, а не совместное влияние правопорядка и демократизации на экономический рост.

Доклад ООН о человеческом развитии за 2002 г. был специально посвящен теме демократии. В нем утверждалось, в частности, что зависимости между демократией и экономическим ростом не существует, однако демократия способствует стабильности и равномерности экономического и социального развития [Human... 2002]. Д. Родрик тоже не находит зависимости между демократией и ростом после учета таких факторов, воздействующих на рост, как начальный уровень дохода, уровень образования и качество государственных институтов [Rodrik, 1997]. Однако он предоставляет доказательства того, что демократии имеют более предсказуемые долгосрочные темпы экономического роста, справляются с неблагоприятными шоками лучше, чем автократии, и выплачивают более высокие зарплаты (то есть направляют меньшую долю дохода на инвестиции). Эти выводы во многом соответствуют заключениям статьи [Przeworski..., 2000]. В ней авторы тоже не обнаруживают разницы в долгосрочных темпах роста между демократиями и автократиями, но утверждают, что для демократических государств характерны меньшая волатильность темпов роста (меньше "экономических чудес", но и меньше очевидных провалов), более высокая доля зарплаты в добавленной стоимости и более низкая доля инвестиций в ВВП³.

Известный специалист в теории роста Р. Бэрроу заключает, что суммарный эффект демократии на экономический рост можно охарактеризовать как "слабо отрицательный. Наиболее благоприятен для роста средний уровень демократии, затем - низкий уровень, и затем - высокий" [Ватто, 1996]. В другой работе он пишет: "...мысль о том, что демократия - в смысле избирательных прав - необходима для экономического роста, так же неверна, как и утверждение, что бедным странам непременно нужна диктатура, чтобы вырваться из бедности... Для страны со слабым институтами - слабой демократией и нехваткой правопорядка - развитие демократии менее важно, чем укрепление правопорядка, стимулирующего рост и инвестиции. Кроме того, демократия, похоже, не оказывает существенного прямого воздействия на укрепление правопорядка. А значит, нельзя утверждать, что демократия является ключевым условием роста, поскольку она необходима для правопорядка" [Ватто, 2000, р. 47]. Бэрроу провел регрессионные расчеты, учитывавшие уровень развития страны, и показал, что демократия не связана с уровнем правопорядка ни положительно, ни отрицательно [Ватто, 1999, р. 174]. Заметим, что исследователи китайского "экономического чуда" объясняют быстрый

² М. Элман оспаривал это утверждение, указывая, что в авторитарном СССР голода не было с 1947 г., а демократический Судан в 1985 - 1989 гг. пережил голод [Ellman, 2000]. Сам Сен отметил еще одно исключение - голод в Ирландии в 40-е гг. XIX в., но объяснил это тем, что Англия рассматривала Ирландию в это время как колонию [Sen, 1997].

³ Один из наиболее труднообъяснимых выводов работы: в демократиях уровень рождаемости и смертности ниже, а продолжительность жизни выше, чем в автократиях со схожим ВВП на душу [Przeworski..., 2000]. Наши исследования, однако, свидетельствуют о том, что демократия при слабом правопорядке отрицательно влияет на продолжительность жизни [Роров, 2006].

рост китайской экономики при отсутствии демократии именно эффективностью государственных институтов [Liew, 2001].

Нет единого мнения и в отношении влияния демократии на рост в переходных экономиках. Фидмук утверждает, что начальный прямой эффект демократизации отрицателен, однако он перекрывается последующим косвенным положительным эффектом; автор полагает, что демократизация подталкивает экономическую либерализацию, а последняя ведет к ускорению роста [Fidrmuc, 2002]. Напротив, из работ [Роров, 2000, 2006] следует, что экономический рост ускоряется с увеличением отношения индекса законности к индексу демократии и, значит, демократизация должна подавлять рост; в соответствующих расчетах влияние скорости либерализации на экономический рост в течение первых 10 лет перехода к рынку оказалось незначимым или даже отрицательным. В статье [Полтерович, Катышев, 2006] показано, что в переходных экономиках потери ВВП за 9 лет после начала широкомасштабных реформ были тем больше, чем радикальнее осуществлялась приватизация в течение первых трех лет перехода к рынку; расчеты не выявили зависимости интегральных потерь от скорости либерализации цен и внешней торговли.

Ряд исследователей проводит различие между молодыми и зрелыми демократиями. В частности, показано, что обеспеченность прав контрактов и собственности зависит от возраста демократии [Clague..., 1996, p. 1]. Политические циклы (рост государственных расходов и монетарная экспансия накануне выборов) оказываются наиболее выраженными и поэтому наиболее разрушительными именно в незрелых демократиях [Akhmedov, Zhuravskaya, 2004].

Согласно Р. Каплану, переход к демократии при низких доходах, слабых институтах и этнической неоднородности социума часто приводит к всплеску насилия, преступности, коррупции чиновников и анархии [Kaplan, 2000]. В статье А. Чуа утверждается, что Запад поддерживает вариант сочетания капитализма и демократии, отвергнутый западным обществом и приводящий к накоплению богатства в руках доминирующего на рынке меньшинства и, как следствие, - к социальным конфликтам [Quia, 2002]. Выводы Каплана, Чуа и Закарии оспариваются в [Rodrik, Wacziarg, 2005]. Здесь приводятся результаты панельной регрессии, показывающей, что фазу же после демократизации рост ускоряется. Мы полагаем, что этот результат получается благодаря использованию в качестве регрессора бинарной переменной "несостоятельность государства", которая тесно связана с демократизацией и отражает ее отрицательный эффект (как отмечают авторы, без этой переменной влияние демократизации оказывается незначимым).

Следует отметить три основных отличия настоящего исследования от большинства других работ, изучавших влияние демократии на экономический рост. Во-первых, мы рассматриваем не только уровень демократии, но и прирост этого уровня, то есть процесс демократизации в 1970 - 1990-х гг., измеряемый индексами политических прав, публикуемых Freedom House. Во-вторых, мы проводим различие между демократией и правопорядком, то есть порядком, основанным на законах и правилах, устанавливаемых властями; правопорядок измеряется индексами правопорядка, индексами инвестиционного климата (риска) и индексами коррупции. В-третьих, и это наиболее важно, мы показываем, что характер влияния демократизации на рост зависит от условий, при которых она осуществляется. Проверке подвергаются две взаимосвязанные гипотезы:

- демократизация стимулирует экономический рост, если она проводится при достаточно высоком уровне правопорядка, в противном случае ее эффект отрицателен;
- при демократизации в условиях слабого правопорядка теневая экономика расширяется, институциональный потенциал государства слабеет, в результате весьма вероятен откат к более авторитарному режиму.

Демократизация, правопорядок и экономический рост: каналы влияния

Как уже отмечалось, мы используем узкое определение демократии, в соответствии с которым ее основные черты - выборность главных должностных лиц и возможность политической конкуренции. Другие права, обычно связываемые с понятием "демократия", такие как свобода слова и печати, защита от дискриминации по этническому, расовому, религиозному признакам, защита собственности и обеспечение контрактов могут быть, в принципе, обеспечены и при существенном ограничении демократических свобод.

Демократия обычно противопоставляется авторитарным режимам, где важнейшие решения принимаются автократом или узкой группой высших должностных лиц. Во многих случаях автократия использует ресурсы хищнически ("*grabbing hand*") [Frye, Shleifer, 1997], коррумпирована и раздает должности максимально лояльным, а не наиболее способным чиновникам, так что стимулировать экономический рост трудно даже при желании автократа. В то же время все страны, сумевшие из развивающихся стать развитыми за последние 50 лет (Гонконг, Тайвань, Сингапур, Южная Корея, Япония), в периоды решающего экономического рывка имели весьма жесткие политические режимы.

Считается, что демократия облегчает процесс выработки и проведения рациональной экономической политики благодаря лучшему отбору профессиональных чиновников, контролю над бюрократией и своевременной смене должностных лиц. Утверждается также, что демократия способствует укреплению правопорядка, искоренению коррупции и улучшению качества институтов. Однако это распространенное мнение основано на поверхностном наблюдении за наиболее развитыми общественными системами: из того факта, что страны с наивысшим уровнем правопорядка являются демократиями, не следует, что расширение демократии непременно влечет за собой укрепление правопорядка.

Общепризнано, что определенный уровень богатства, образования и развития гражданского общества - необходимые предпосылки эффективной демократии. Фактически это означает, что демократия может рассматриваться как "предмет роскоши", спрос на который возникает только тогда, когда удовлетворены первоочередные потребности⁴. Другое неперемное условие - сильный правопорядок. Быстрая демократизация, как и всякая фундаментальная реформа, создает массу возможностей для злоупотреблений и извлечения ренты. И эта перераспределительная активность может "испортить" институты и ввергнуть общество в состояние хаоса, если оно не способно обеспечить исполнение законов.

Один из механизмов подрыва институтов при быстрой демократизации, низкой политической культуре и слабой судебной системе может быть вкратце описан следующим образом. В результате демократизации граждане, подавляющее большинство которых не интересуется политикой и не разбирается в политических программах, получают право голоса - ресурс, им совершенно не нужный, но обладающий потенциальной ценностью для организованных политических группировок. При слабом правопорядке это создает почву для торговли голосами и расцвета политической коррупции, причем субъектами коррупционных сделок становятся не только чиновники, а и значительная часть населения. В таких условиях демократия превращается в рынок голосов, парламентарии отражают интересы лоббистов, должности и решения покупаются и продаются. Расцветает коррупция, снижение качества институтов подавляет экономический рост.

В слабых (нелиберальных) демократиях возникают и слабые правительства, подверженные давлению лоббистских организаций и популистских групп; чиновники и законодатели становятся продажными и легкоуправляемыми. Вдобавок, слабые правитель-

⁴ Однако в [Acemoglu..., 2005] утверждается, что причинная связь между уровнем дохода и демократии отсутствует.

ства не могут проводить в жизнь законы и предписания, в частности ограничить рост теневой экономики и собрать достаточное количество налогов для финансирования общественных благ. В результате им приходится чаще прибегать к инфляционному финансированию и займам. Все это отрицательно сказывается на темпах роста, продолжительности жизни, социальном равенстве, преступности [Przeworski., 2000].

Это цена, которую приходится платить за преждевременную демократизацию, - за введение политической конкуренции и всеобщих выборов до того, как в обществе достаточно развилась политическая культура и утвердились основные либеральные права. Более того, описанные процессы нередко ведут к массовому недовольству, разочарованию в демократических ценностях и восстановлению авторитарных режимов в той или иной форме⁵. Возврат к авторитаризму - ясное свидетельство того, что ресурсы, "вложенные в демократизацию", были потрачены неэффективно. В дальнейшем этот вывод будет подтвержден экономическими расчетами.

Опыт развитых стран

В странах, которые сегодня называются развитыми, процесс демократизации, как правило, шел постепенно. Избирательные права вначале ограничивались многочисленными цензами в зависимости от благосостояния, образования, оседлости, расы, возраста и пола, так что очень небольшая часть населения (в основном, достаточно обеспеченные мужчины) допускалась к избирательным урнам. Например, во Франции в 1815-1830 гг. только 0,25 - 0,3% населения участвовали в голосовании. Всеобщее избирательное право для мужчин было введено лишь в 1848 г., а для женщин - лишь в 1946 г. В Англии по закону 1832 г., расширившему избирательные права, их получили 14 - 18% мужчин; всеобщее избирательное право было введено только в 1928 г. Первой европейской страной, где женщин допустили к избирательным урнам, стала Финляндия - в начале XX в. В Германии, Италии, Бельгии женщины получили избирательные права только после Второй мировой войны. Всеобщее избирательное право было введено в США в 1965 г., в Канаде - в 1970 г., в Швейцарии - в 1971 г. [Chang, 2002, p. 71 - 76].

Медленная демократизация в развитых странах обычно объясняется нежеланием правящей элиты делить власть с народом. Расширение избирательных прав шло в ходе социальных конфликтов под давлением широких масс. Однако есть, видимо, и другая причина: быстрая демократизация чревата ослаблением государственных институтов вследствие их захвата крупным капиталом либо популистскими группами. Главную опасность представлял возможный всплеск политической коррупции. В этой связи весьма характерен пример США, где в 1815 - 1840 гг. в результате довольно быстрой демократизации возникли массовые политические партии. Они создали мощные избирательные машины для масштабной покупки голосов и запугивания оппонентов. Итоги выборов повсеместно фальсифицировались, создавались специальные банды ("*repeater gangs*"), члены которых голосовали многократно от имени других зарегистрированных избирателей и путем угроз и шантажа не допускали к голосованию сторонников других партий.

"Поскольку полиция была скорее политическим инструментом, чем профессиональным органом обеспечения правопорядка... политическая лояльность была главным критерием при назначениях на ответственные должности" (цит. по [Knott, Miller, 1987, p. 27]). Во многих городах для получения назначения даже на рядовые полицейские должности требовалась плата партаппаратчикам, контролирующим данный избира-

⁵ Согласно Бэрроу, вероятность укрепления демократии возрастает по мере роста душевого ВВП, уровня образования и доли среднего класса в совокупном доходе [Багго, 1999]. В [Przeworski., 2000] отмечается, что любая страна, даже очень бедная, может стать демократической на короткое время, но для устойчивости демократии необходимы определенные условия, в частности, достаточно высокий уровень благосостояния.

тельный округ. В 1890-е гг. за должность рядового полицейского в Нью-Йорке надо было выложить 300 долларов, за сержантскую должность - 1600 долларов, за капитанскую - 12 000 долларов (чтобы перевести эти суммы в сегодняшние цены, надо их умножить примерно на 10). Сифилитики, преступники и безграмотные могли легко стать полицейскими, симбиоз полицейских органов с преступными сообществами был в то время обычным. В федеральном правительстве одной из самых доходных должностей был пост сборщика таможенных пошлин в Нью-Йорке [Knott, Miller, 1987, pp. 27 - 28, 30]. США понадобилось порядка 70 лет, чтобы выбраться из "коррупционной ловушки" [Полтерович, 2004] и существенно снизить уровень коррупции, ставший результатом быстрой демократизации.

Опыт развивающихся стран

Вряд ли можно считать простым совпадением тот факт, что практически все страны успешного догоняющего развития либо откладывали демократизацию до достижения достаточно высокого уровня благосостояния, либо практиковали "полупарламентную систему" (большая правящая партия и несколько мелких оппозиционных, не имеющих реальных шансов прийти к власти). Тайвань, Южная Корея, Сингапур и Чили до конца 1980-х гг. и Китай до сегодняшнего дня - примеры "отложенной демократизации", а Япония, Германия, Италия после Второй мировой войны - примеры "полупарламентной системы".

Может быть, наиболее убедительный и красноречивый в данном контексте пример - Гонконг, где британские колониальные власти стали вводить зачатки демократии только накануне передачи территории Китаю (но так и не успели завершить дело), что, однако, не помешало Гонконгу превзойти свою метрополию - родину демократии - по уровню экономического развития. И при англичанах, и при коммунистическом китайском правительстве закон и порядок в Гонконге остаются на высоте, недостижимой для большинства стран мира, хотя демократии там как не было, так и нет. Другой, противоположный пример - Гаити, одна из старейших демократий Латинской Америки, практикующая общенациональные выборы с начала XIX в. С тех пор там мало правопорядка и непрерывная смена политических режимов, а в итоге - 30 переворотов за 200 лет, причем последний - в марте 2004 г. с вводом иностранных войск, призванных остановить волну бандитизма.

Сен полагает, что нельзя считать быстрый экономический рост Китая и Южной Кореи доказательством благоприятного влияния авторитаризма на рост, также как нельзя делать противоположный вывод на основании того факта, что Ботсвана - самая быстрорастущая экономика Африки (и одна из самых быстрорастущих экономик мира) - является оазисом демократии на этом несчастном континенте [Sen, 1997]. Несмотря на то, что Freedom House дает очень высокие оценки уровню демократии в Ботсване, исследователи сомневаются, может ли она быть признана полностью демократической [Przeworsky..., 2000]. Скорее, она принадлежит к группе стран с "полупарламентной системой": у власти с момента получения этой страной независимости в 1966 г. находится одна и та же партия.

В таблице 1 приведена классификация посткоммунистических стран по среднему индексу политических прав в 1998 - 2000 гг., рассчитываемому Freedom House; расчет не включал Китай, Вьетнам, Монголию и страны, серьезно пострадавшие (согласно [World... 2002]) от военных конфликтов в 1990-е гг. (Албанию, Армению, Азербайджан, Грузию, Македонию, Таджикистан). В соответствии с этой классификацией 10 стран были "свободными" (Болгария, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения), пять стран - "частично свободными" (Хорватия, Киргизия, Молдавия, Россия, Украина) и четыре - "несвободными" (Белоруссия, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан). Как видно, "частично свободные" страны испытали более глубокое сокращение производства и более сильный рост социального неравенства, чем "несвободные" страны. Последняя группа стран по этим показателям оказалась ближе к первой - к полностью свободным странам.

Таблица 1

Экономический рост и неравенство в посткоммунистических странах с разными политическими режимами

Политический режим в 1998 - 2000 гг.	ВВП в 2000 г. в % к 1989 г.	Средний индекс Джини в 1987 - 1990 гг.	Средний индекс Джини в 1996 - 1998 гг.
"Свободные"	91,9	0,21	0,32
"Частично свободные"	56,8	0,29	0,44
"Несвободные"	84,2	0,27*	0,35*

* Средняя для Белоруссии, Казахстана, Туркменистана. Источники: [Freedom...; Economic... 2003, p. 224; World... 2002, p. 9].

Экономический рост и демократизация: эконометрический анализ

Выше были выдвинуты две взаимосвязанные гипотезы о том, что демократизация стимулирует экономический рост, только если она проводится при достаточно высоком уровне правопорядка, и что при демократизации в условиях слабого правопорядка теневая экономика расширяется, институциональный потенциал государства слабеет; при этом весьма вероятен откат к более авторитарному режиму.

Выше мы попытались обосновать эти гипотезы, рассматривая каналы влияния демократизации на экономический рост, а также опыт демократизации в развитых и в развивающихся странах. Здесь мы приведем дополнительные аргументы, вытекающие из эконометрических расчетов по статистическим данным более 100 стран за 25 лет.

Обозначения и источники данных. Все используемые показатели (если отсутствуют специальные указания на их источник) взяты из базы данных Всемирного банка "World Development Indicators". Она содержит данные о более чем 200 странах за 1975 - 1999 гг. Основная зависимая переменная в наших расчетах - среднегодовой темп роста ВВП на душу населения в 1975 - 1999 гг., обозначаемая через y ; мы исследуем ее зависимость от демократизации. Главный индикатор политического режима, который мы используем, - индекс политических прав, публикуемый агентством Freedom House (<http://www.freedom-house.org/ratings/index.htm>). Он изменяется в пределах от 1 (полная демократия) до 7 (полный авторитаризм). Его более низкие значения, таким образом, соответствуют большей демократии, поэтому его было бы логичнее назвать уровнем авторитаризма. Средний уровень авторитаризма за четыре года (с 1972 по 1975) в самом начале рассматриваемого периода обозначается через D . Демократизация Δ измеряется приростом индекса политических прав в 1972/1975 - 1999/2002 гг., однако этот показатель откалиброван так, чтобы он был всегда положительным и показывал именно прирост демократии, а не авторитаризма: $\Delta = 4 - (D_{99-02} - D)$, где D_{99-02} - средний уровень авторитаризма за 1999 - 2002 гг.

Подчеркнем, что описанный индикатор Δ - очень грубая мера демократизации. Одному и тому же его значению может соответствовать как монотонное наращивание демократических прав, так и колебательный процесс смены политических режимов. Фактически демократизация могла происходить как в начале рассматриваемого 25-летнего периода, так и в конце. В первом случае негативный эффект демократизации мог бы компенсироваться в результате последующего развития. Коль скоро высокие значения этого индекса соответствуют успешной демократизации, они, на первый взгляд, должны ассоциироваться с относительно быстрым ростом. Однако, поскольку индекс носит приростной характер, он "помнит", что изменение уровня политических прав когда-то произошло и могло быть связано с высокими издержками. Приводимые ниже расчеты показывают, что при слабых институтах издержки, возникающие в процессе демократизации, по своему влиянию на рост "в среднем" перевешивают связанные с ней преимущества, в то время как при достаточно сильных институтах влияние демократизации на рост положительно.

Таблица 2 Некоторые экономические показатели "новых демократий" (стран, в которых с 1972 - 1975 по 1999 - 2002 гг. индекс политических прав Freedom House уменьшился, по крайней мере, на 1,5 пункта)

Страны	"Новые демократии" (62)	Все страны, кроме "новых демократий" (148)
Улучшение индекса политических прав с 1972 - 1975 по 1999 - 2002 гг.	3,3	-0,2
Индекс инвестиционного климата, 2000 г., долл.	65,1	68,9
ВВП по ППС на душу в 1999 г.	5510	9588
Увеличение продолжительности жизни с 1970 - 1975 по 1995 - 2000 гг.	5,75	7,02
Среднегодовой темп роста ВВП на душу в 1975 - 1999 гг., в %	0,82	1,41
Индекс эффективности правительства, 2000 г.	-0,19	0,09
Теневая экономика, в % к ВВП, 1-я оценка	35,1	21,8
Теневая экономика, в % к ВВП, 2-я оценка	33,6	23,3
Доля доходов центрального правительства в ВВП в 1995 - 1999 гг., в % от уровня 1971 - 1975 гг.	132	165
Среднегодовой дефицит бюджета в 1975 - 1999, в % от ВВП	-4,49	-3,94
Среднегодовая инфляция в 1975 - 1999, в %	30,3	13,2

Источники: [World... 2001; Freedom...; Human... 2002; Friedman..., 1999].

Как мера качества институтов в расчетах используются:

- индекс восприятия коррупции **CPI (Corruption Perception Index)** за 1980 - 1985 гг., исчисляемый агентством Transparency International; изменяется в пределах от 0 до 10; чем он ниже, тем выше коррупция, так что фактически это индекс чистоты, а не коррупции;
- индекс инвестиционного климата **IC** за 1984 - 1990 гг. (*Investment Climate Index*) [World... 2001];
- индекс правопорядка **RL** в 2000 г. [World... 2002; Kaufmann, Kraay, Zoido-Lobaton, 1999]; он основан на мнениях экспертов и опросах резидентов и изменяется от - 2,5 до +2,5; чем он выше, тем лучше правопорядок.

Индекс **CPI** за 1980-е гг. доступен для 53 стран, а индекс **IC** - для 123 стран. Кроме того, и в базе данных Всемирного банка имеются пропуски, что ограничивает возможности расчетов. К сожалению, мы не располагаем данными об индексе правопорядка для начальных лет рассматриваемого периода, поэтому для оценки влияния институтов на рост используются два других индекса. В расчетах участвуют также ряд других индикаторов⁶.

В таблице 2 представлены некоторые характеристики "новых демократий" - стран, в которых индекс политических прав Freedom House увеличился по крайней мере на

⁶ **Y** - ВВП на душу населения по ППС в 1975 г.; **PopDens** - плотность населения, в 1999 г. человек на 1 кв. км; **n** - среднегодовые темпы роста населения в 1975 - 99 гг., в %; **I** - доля инвестиций в ВВП в 1975 - 1999 гг., в %; **GE** - индекс эффективности правительства в 2000 г. [World... 2001; Kaufmann, Kraay, Zoido-Lobaton, 1999]; изменяется от - 2,5 до +2,5; чем он больше, тем выше эффективность; **S₁** - доля теневой экономики в ВВП в 1990 г., 1-я оценка [Hellman, Jones, Kaufmann, 2000]; **S₂** - доля теневой экономики в ВВП в 1990 гг., 2-я оценка [Hellman, Jones, Kaufmann, 2000]; **Imfuel** - отношение чистого импорта топлива и энергии к общему импорту в 1960 - 1999 гг., в %; **FI** - отношение чистого импорта топлива и энергии к общему импорту в 1960 - 1975 гг.; **Is** - бинарная переменная, равная 1, если страна принадлежит к Организации исламской конференции, и 0 во всех остальных случаях.

1,5 пункта с 1972 - 1975 по 1999 - 2002 гг. Поскольку речь идет о 25-летнем периоде, термин "новая демократия" весьма условен, в этой группе имеются государства с устоявшимся демократическим режимом. И, тем не менее, сравнение их средних показателей с показателями других стран оказывается далеко не в пользу первых. ВВП на душу населения в 1975 - 1999 гг. рос в "новых демократиях" медленнее, чем в других странах, равно как и государственные доходы в процентах ВВП; индекс эффективности правительства для них ниже, теневая экономика больше, дефицит госбюджета и инфляция выше, увеличение продолжительности жизни меньше. Разумеется, это сопоставление не вполне убедительно, поскольку в группу стран, не являющихся новыми демократиями, входят наиболее развитые государства. Но в то же время в нее включены и авторитарные режимы, и страны, где попытки демократизации оказались неудачными. В этой альтернативной группе за рассматриваемый период произошло небольшое усиление авторитаризма. Кроме того, на темп роста и качество институтов в конце периода влияли не только процессы демократизации, но и ряд других переменных. В дальнейшем мы попытаемся ответить на этот тезис, рассматривая множественные регрессии.

Темпы роста и демократизация: регрессии. Основная идея расчетов состоит в том, чтобы, рассматривая квадратичные зависимости темпов роста от демократизации и показателей качества институтов, найти пороги - значения институциональных переменных, для которых влияние демократизации меняет знак⁷.

Вначале рассмотрим эту задачу применительно к индексу коррупции **CPI** за 1980- 1985 гг.

Как уже отмечалось, этот индекс изменяется в пределах от 0 до 10; чем он меньше, тем выше коррупция. Результаты регрессионных расчетов содержатся в таблице 3. Первое уравнение может быть представлено так:

$$y = \text{CONST} + \text{CONTR.VAR} + 0,0729\Delta (\text{CPI} - 6,65), (1)$$

где в число контрольных переменных **CONTR.VAR** входят средние темпы роста населения за период и ВВП на душу населения в 1975 г. Все коэффициенты значимы на однопроцентном уровне.

Согласно (1), демократизация оказывала положительное влияние на рост, если индекс коррупции был выше 6,65 (примерный уровень Чили, Малайзии, Испании в начале 1980-х гг.), а если ниже - отрицательное.

Добавление доли инвестиций в ВВП в качестве одной из контрольных переменных не подрывает значимости показателя демократизации, хотя уровень порога меняется, а коэффициент при демократизации снижается, показывая, что воздействие демократизации на экономический рост частично происходит через изменение доли инвестиций в ВВП. При добавлении в правую часть уравнения начального уровня демократии **D** он оказывается незначимым, хотя все другие коэффициенты сохраняют свою значимость (колонки 4 и 5 табл. 3).

Добавление индекса коррупции **CPI** в качестве линейной переменной в правую часть уравнения приводит к тому, что как сам **CPI**, так и интерактивный член (**CPIA**) становятся незначимыми. Если же индекс коррупции включить в правую часть уравнения только как линейную переменную, исключив интерактивный член, то результаты несколько ухудшаются: все коэффициенты становятся менее значимы, а скорректированный коэффициент детерминации R^2 немного снижается. При этом влияние демократизации на рост оказывается безусловно отрицательным - результат, который

⁷ Идея пороговых регрессий широко используется в [Полтерович, Попов, 2006], где показано, что различные инструменты экономической политики оказывают разнонаправленное воздействие на рост в зависимости от уровня развития страны и качества ее институтов.

Таблица 3 Факторы, объясняющие темпы роста ВВП на душу населения в 1975 - 1999 гг. (демократизация и коррупция) - OLS-регрессии, *t*-статистика дана в скобках

Зависимая переменная	Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1975 - 99 гг., <i>y</i>			
Число наблюдений	45	45	45	45
ВВП на душу населения по ППС в 1975 г., долл. (<i>Y</i>)	-0,0008*** (-4,99)	-0,0006*** (-4,80)	-0,0007*** (-4,30)	-0,0007*** (-4,18)
Доля инвестиций в ВВП в 1975 - 1999 гг., в %		0,198*** (6,86)	0,206*** (6,17)	
Среднегодовые темпы роста населения в 1975 - 1999 гг., в %, (<i>n</i>)	-1 45*** (-4,27)	-1 18*** (-5,26)	-1,14*** (-4,90)	-1 52*** (-4,48)
Прирост уровня демократии, Δ	-0,485*** (-4,12)	-0,416*** (-4,91)	-0,356*** (-2,71)	-0,610*** (-3,03)
Произведение индекса коррупции на прирост	0,073*** (3,84)	0,053*** (3,50)	0,054*** (3,63)	0,069*** (3,99)
уровня демократии, $CPI \cdot \Delta$				
Уровень авторитаризма в 1972 - 1975 гг. (<i>D</i>)			-0,119 (-0,62)	0,261 (1,06)
Константа	7 79*** (6,13)	2,10** (1,90)	2,10* (1,98)	7 23*** (6,52)
Скорректированный R^2	46	73	73	48

*, **, *** - значимость на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

не кажется нам правдоподобным. Таким образом, пороговая форма зависимости между демократизацией и ростом предпочтительна и с содержательной, и с формальной точек зрения. Она свидетельствует о том, что если коррупция в начале 1980-х гг. была высока, то демократизация оказывала отрицательное влияние на рост⁸.

Чтобы проверить устойчивость порогового уравнения, мы воспользовались еще одним показателем, характеризующим качество институтов, - индексом инвестиционного климата *IC*, наиболее ранние значения которого имеются на 1984 - 1990 гг. Для него также были найдены разумные пороговые значения. Демократизация, таким образом, положительно влияла на рост только в странах с уровнем инвестиционного климата выше порогового, а в других странах ее влияние было отрицательным. Однако нам не удалось найти инструментальные переменные, чтобы надежно исключить обратное влияние роста на инвестиционный климат.

Таким образом, гипотеза о существовании порогового значения институциональных показателей (до достижения порога демократизация замедляет рост, а после - ускоряет) подтверждается при использовании индекса коррупции в качестве характеристики качества институтов и отчасти - при использовании индекса инвестиционного климата. Работа с данными, однако, убедила нас, что альтернативой пороговой гипотезе является не положительная зависимость экономического роста от демократизации, а отрицательная - ни в одной из многих рассчитанных нами альтернативных регрессий коэффициент при демократизации не имеет положительного знака.

⁸ Чтобы учесть возможную эндогенность (обратное влияние экономического роста на демократизацию), показатель демократизации и интерактивный член в уравнении (1) были инструментированы с помощью трех вспомогательных переменных: начального уровня демократии в 1972 - 1975 гг., бинарной переменной, характеризующей членство страны в Организации исламской конференции, и доли чистого импорта топлива и энергии в совокупном импорте в 1960 - 1975 гг. При этом значимость коэффициентов сохранилась, а порог по уровню начальной коррупции оказался близким к найденному ранее.

Влияние демократизации на качество институтов

Для проверки нашей второй гипотезы мы рассмотрели влияние демократизации на масштабы теневой экономики и институциональные индикаторы.

Теневая экономика и демократизация. В расчетах используются две доступные оценки доли теневой экономики в ВВП в 1990-е гг. - S_1 и S_2 . Примем индекс восприятия коррупции в 1980 - 1985 гг. как меру качества институтов. Тогда для доли теневой экономики в ВВП, измеряемой первой оценкой, можно получить следующее уравнение:

$$S_1 = 37,50 - 0,002Y - 22,70Tr + 3,74\Delta - 0,86CPI\Delta,$$

(4,25) (-2,44) (-4,16) (4,83) (-6,59)

где число точек $N = 33$, $R^2 = 78\%$, значения t -статистики даны в скобках. Здесь, как и прежде, Δ - индикатор демократизации в 1972 - 2002 гг., CPI - индекс восприятия коррупции в 1980 - 1985 гг., Y - ВВП на душу населения по ППС в 1975 г., Tr - бинарная переменная для посткоммунистических стран. Приведенное уравнение можно переписать так:

$$S_1 = 37,50 - 0,002Y - 22,70Tr + 0,86\Delta(4,35 - CPI). \quad (2)$$

Согласно (2), в странах, относительно не коррумпированных в 1980 - 1985 гг., демократизация вела к снижению доли теневой экономики, тогда как в коррумпированных странах эффект был прямо противоположным. Пороговый уровень индекса коррупции в 1980 - 1985 гг. составлял 4,35, что соответствует уровню между Португалией и Грецией.

Для второй оценки теневой экономики результаты мало отличаются от (2), лишь пороговое значение индекса коррупции в 1980 - 1985 гг. оказывается несколько выше - 5,64. Аналогичный результат имеет место и в том случае, если в качестве институционального индикатора использовать индекс инвестиционного климата за 1984 - 1990 гг.

Если в уравнения (1) и (2) включить индекс восприятия коррупции CPI в качестве линейного члена, то он оказывается незначимым и не увеличивает R^2 . Наша пороговая гипотеза, таким образом, подтверждается.

Индикаторы качества институтов и демократизация. Нами проведены многочисленные расчеты регрессионных зависимостей ряда индикаторов качества институтов (индекса восприятия коррупции, индекса инвестиционного климата, индекса эффективности правительства) от показателя демократизации Δ . Результаты оказались неустойчивыми к спецификации модели. Как правило, удается получить значимые пороговые регрессии, но при этом обнаруживаются чисто линейные спецификации, согласно которым демократизация оказывается незначимым фактором либо даже положительно влияет на качество в конце рассматриваемого периода. Вероятнее всего неустойчивость вызвана недостатками выбранного показателя демократизации, о которых говорилось выше. Его увеличение за длительный период свидетельствует об успехе демократизации и лишь косвенно указывает на издержки, имевшие место в прошлом. Эта косвенная связь оказала доминирующее влияние на объективные показатели - темп роста и долю теневой экономики, но, как выяснилось, не оказала устойчивого влияния на субъективные меры по изменению качества институтов.

В связи с этим мы использовали другой показатель демократизации, впервые примененный в [Polterovich, Porov, Tonis, 2006]. Он характеризует устойчивость политического режима и равен отношению индекса авторитаризма в 2002 г. к его минимальному значению. Этот показатель равен единице (своей минимально возможной величине) для абсолютно устойчивых режимов - и демократических, и автократических; он также равен единице при монотонном росте уровня демократии. Этот показатель больше единицы, если в конце периода уровень авторитаризма выше минимума за период. Практически для всех рассматривавшихся стран в нашей выборке росту авторитаризма предшествовала демократизация. Таким образом, наш показатель, обозначаемый ниже через A ,

отражает неудачу демократизации и, следовательно, косвенно свидетельствует о связанных с ней издержках.

В [Polterovich, Popov, Tonis, 2006] было показано, что процесс демократизации тем менее стабилен, чем хуже качество институтов в начале рассматриваемого периода. Кроме того, оказывается, что качество институтов в конце периода ухудшается в результате нестабильной демократизации. В частности, мы получим следующее регрессионное соотношение:

$$CPI_{2002} = 2,14 + 0,55CPI + 0,00034Y + 0,00037PD - 1,05 \cdot 10^{-12}Y_{tot} - 0,73A, \quad (3)$$

(3,53) (4,74) (2,63) (3,71) (-2,62) (-2,08)

где число точек $N = 44$, $R^2 = 85\%$, уровень значимости - 5%, значения t -статистики даны в скобках. Здесь CPI_{2002} - средний индекс восприятия коррупции в 2002 - 2003 гг. (чем он больше, тем менее коррумпирована система), CPI - аналогичный показатель для начала периода, Y - душевой ВВП, а Y_{tot} - совокупный ВВП на начало периода, PD - плотность населения.

Согласно результатам из [Polterovich, Popov, Tonis, 2006], чем выше начальный уровень коррупции, тем более вероятность возврата к авторитаризму после демократизации. А в силу (3) возврат оказывает негативное влияние на уровень коррупции.

Регрессия (3) устойчива, она сохраняет значимость и при исключении Y_{tot} из числа объясняющих переменных. Аналогичные результаты имеют место и для других институциональных индексов.

* * *

Видимо, есть несколько причин, по которым многочисленные исследования о воздействии демократии на экономический рост дают разные и даже противоречивые результаты. Во-первых, в подавляющем большинстве прежних работ обсуждалось влияние уровня демократии, а не прироста этого уровня. Во-вторых, и это, вероятно, самое важное, во многих работах не проводится строгого различия между правопорядком (защита всех гражданских прав, исключая политические) и демократией (гарантии политических прав). В данной работе мы пытались разделить эти два понятия и сравнить эффекты демократизации в странах с разной способностью правительств поддерживать порядок, опираясь не на волю диктатора, а на свод законов, установленных правил и традиций. Выяснилось, что в странах с хорошим качеством институтов (низкой коррупцией, высоким уровнем правопорядка и инвестиционного климата) демократизация благотворно воздействует на институциональное строительство и экономический рост, а в странах со слабыми институтами демократизация ведет к их дальнейшему ослаблению и подрывает рост.

Таким образом, быстрое введение демократии в авторитарных странах со слабым правопорядком может быть сопряжено со множеством отрицательных экономических и социальных последствий⁹. Участие широких масс в процессе принятия решений - важная цель развития, но она может быть легко скомпрометирована, если попытки ее реализации приводят к ослаблению институтов, замедлению экономического роста, увеличению социального неравенства и преступности и, в конце концов, к укреплению авторитарных режимов. Демократизация более эффективна, если она осуществляется одновременно с укреплением правопорядка. Вопрос о том, какими должны быть скорость и последовательность демократических реформ, чтобы они не замедлили эконо-

⁹ В недавнем исследовании политических реформ в Арабском мире Д. Блумберг писал, что нам далеко не ясно, как реформировать либерализующиеся автократии. Поощрение быстрых изменений, например, введение полностью конкурентных выборов, может привести к победе радикалов и даже к возвращению автократии [Brumberg, 2003].

мический рост, актуален для многих стран. Здесь нам видится важное направление дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афонцев С.* Экономическая трансформация в зеркале политико-экономического анализа // Россия XXI. 1999. N3.
- Полтерович В. М.* Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. N 3.
- Полтерович В. М., Катыхов П. К.* Политика реформ, начальные условия и трансформационный спад // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. N 4.
- Полтерович В., Понов В.* Стадии развития и экономический рост // Вопросы экономики. 2006. N 7, 8.
- Acemoglu A., Johnson S., Robinson J., Yared P.* Income and Democracy. MIT Working Paper 05 - 05. 2005. February.
- Akhmedov A., Zhuravskaya E.* Opportunistic Political Cycles: Test in a Young Democracy Setting // Quarterly Journal of Economics. 2004. November.
- Alesina A., Rodrik D.* Distributive Politics and Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1994. Vol. 109. N 2. May.
- Barro R.* Democracy and Growth // Journal of Economic Growth. 1996. Vol. 1.
- Barro R.* Determinants of Democracy // Journal of Political Economy. 1999. Vol. 107. N 6.
- Barro R.* Rule of Law, Democracy, and Economic Performance. Index of Economic Freedom. 2000. Ch. 2 (http://www.heritage.org/research/features/index/ChapterPDFs/2000_Chapter_2.pdf).
- Brumberg D.* Liberalization versus Democracy. Understanding Arab Political Reform. Carnegie Endowment for International Peace. Working Paper N 37. 2003.
- Carothers T.* The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. January.
- Chang H. - J.* Kicking Away the Ladder. Cambridge, 2002.
- Chua A.* World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability. New York, 2002.
- Clague Ch., Keefer Ph., Knack St., Olson M.* Property and Contract Rights in Autocracies and Democracies // Journal of Economic Growth. 1996. Vol. 1. June.
- Economic Survey of Europe.* 2003. N 1.
- Ellman M.* The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines // Cambridge Journal of Economics. 2000. Vol. 24.
- Fidrmuc J.* Economic Reform, Democracy and Growth during Post-communist Transition. CEPR Discussion Paper N 2759. 2002.
- Freedom House (<http://www.freedomhouse.org/index.htm>).
- Friedman E.J., Johnson S., Kaufmann D., Zoido-Lobaton P.* Dodging the Grabbing Hand: The Determinants of Unofficial Activity in 69 Countries. Fifth Nobel Symposium in Economics. Stockholm, 1999. 10 - 12 September (<http://web.mit.edu/sjohnson/www.attach/Dodging%20the%20Grabbing%20Hand%20August%201999.pdf>).
- Frye T., Shleifer A.* The Invisible Hand and The Grabbing Hand // American Economic Review. 1997. May.
- Gastil R.D.* Freedom in the World: Political Rights and Civil Liberties, 1988 - 89. New York, 1989.
- Hellman J., Jones G., Kaufmann D.* How Profitable Is Buying the State Officials in Transition Economies? // Transition. The Newsletter About Reforming Economies. 2000. April.
- Human Development Report 2002. Deepening Democracy in a Fragmented World. UNDP. 2002.
- Kaplan R.D.* The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post Cold War. New York, 2000.
- Kaufmann D., Kraay A., Zoido-Lobaton P.* Governance Matters. World Bank Policy Research. Working Paper N 2196. 1999 (<http://www.worldbank.org/wbi/governance/pdf/govmatrs.pdf>).
- Knott J.H., Miller G.J.* Reforming Bureaucracy. The Politics of Institutional Choice. New Jersey, 1987.
- Liew L.* Marketization, Democracy and Economic Growth in China // Beyond the Asian Crisis: Pathways To Sustainable Growth. Northampton, 2001.
- Nelson M.A., Singh R.D.* Democracy, Economic Freedom, Fiscal Policy, and Growth in LDCs: A Fresh Look // Economic Development and Cultural Change. 1998. Vol. 46. N 4. July.
- Olson M.* Autocracy, Democracy and Prosperity // *Zeckhauser R.J.* Strategy and Choice. Cambridge, 1991.

Olson M. Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. New York, 2000.

Polterovich V., Popov V., Tonis A. Resource Abundance, Political Corruption and Instability of Democracy // NES Working Paper. Moscow, 2006.

Popov V. Shock Therapy versus Gradualism: The End of the Debate (Explaining the Magnitude of the Transformational Recession) // Comparative Economic Studies. 2000. Vol. 42. N 1. Spring.

Popov V. Shock Therapy versus Gradualism Reconsidered: Lessons from Transition Economies after 15 Years of Reforms. TIGER Working Paper N 82. 2006 (<http://www.tiger.edu.pl/publikacje/TWP.JVb82.pdf>).

Przeworski A., Limongi F. Political Regimes and Economic Growth // Journal of Economic Perspectives. 1993. Vol. 7. N 3.

Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950 - 1990. Cambridge, 2000.

Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge (Mass.), 1971.

Rodrik D. Democracy and Economic Performance. A Paper for a Conference in South Africa. 1997. December (<http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/demoecon.PDF>).

Rodrik D., Wacziarg R. Do Democratic Transitions Produce Bad Economic Outcomes? // American Economic Review. Papers and Proceedings. 2005. Vol. 95. N 2. May.

Sen A. Human Rights and Asian Values: What Lee Kuan Yew and Lee Peng Don't Understand About Asia// The New Republic. 1997. Vol. 217. N 2 - 3. 14. July.

Sen A. The Value of Democracy // Development Outreach. 1999. Summer.

World Bank. World Development Indicators. 2001.

World Bank. Transition. The First Ten Years. World Bank. 2002.

Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. New York, 2003.